

Суслова Е. Д. «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении / Е. Д. Суслова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 339—351.

УДК 94(470)“16”

«Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении*

© Суслова Евгения Дмитриевна (2015), кандидат исторических наук, специалист Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии, старший научный сотрудник (государственная бюджетная тема: ГБТ 653-14 «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX в.»), Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия), evgenia.suslova@mail.ru.

Статья посвящена изучению родственных связей и социального происхождения лиц, занимавших ключевые позиции в церковном приходе и волостном управлении в Заонежских погостах во второй половине XVII века. В фокусе внимания — семьи священно- и церковнослужителей, чьи родственники — ввиду сохранившихся тесных связей между поземельной и приходской общиной — принимали активное участие в мирских делах. На основе сопоставительного анализа сведений переписных книг и актов приказного делопроизводства реконструированы узы родства — по прямым и боковым линиям — между клириками, земскими старостами, помощниками старост, дьячками и посылыщниками на примере трех Заонежских погостов. Установлено, что выходцы из семей местных священников и причетников в 1650—1680-х гг. не только продолжали дело отцов, но и занимали выборные земские должности. Во многом это объяснялось знанием ими грамоты, способностью уплатить в срок подати за крестьян в государеву казну, вниманием к интересам общины и ответственным подходом к расходованию мирских денег. Взаимная поддержка и взаимовыручка позволяли родственникам — даже в случае выбора на ту или иную должность представителей других семей — сохранять контроль над общиной.

Ключевые слова: социальная история; генеалогия; выборные мирские должности; общинное самоуправление; церковный приход; Заонежские погосты; Карелия; вторая половина XVII в.

1. Введение

Обращая пристальное внимание на особенности организации процедуры мирских выборов, функции общинного самоуправления в XVI — первой половине XVIII вв., исследователи долгое время ограничивались общей характеристикой состава участников мирских сходов и социального облика должностных лиц, занимавших выборные должности. Так, М. М. Богословский, проанализи-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

зировав челобитные крестьян Устюжского и Чердынского уездов 1620—1640-х гг., пришел к выводу, что в некоторых волостях и приходах «сильные люди захватили в свои руки все местное самоуправление». Становление «волостного нобилитета» М. М. Богословский связал с имущественным расслоением внутри общины, далеко зашедшим к середине XVII века, и считал одним из свидетельств «упадка земства» в Поморье и Заонежских погостах [Богословский, 1912, с. 290—291]. Ученый подчеркнул, что среди тех, кто занимал выборные должности, были «посадские люди..., приобретающие себе деревни», «крестьяне и члены клира, и разбогатевшие земские дьячки». Исходя из жалоб крестьян-челобитчиков, М. М. Богословский утверждал, что «волостные заправили» действовали не одни, но опирались «на партию, состоящую из родственников и приверженцев из “роду, племени, сватов, потаковщиков и заговорщиков”» [Богословский, 1912, с. 291].

Оценивая взаимоотношения воеводской администрации и «крестьянского мира» в Заонежских погостах в середине — второй половине XVII века, Р. Б. Мюллер затронула вопрос о статусе выборных должностных лиц в общине. Изучив акты приказного делопроизводства, многие из которых вошли в опубликованный ею в 1947 году сборник, и, в первую очередь, выборные грамоты, автор высказала предположение, что «деревенская беднота» в Заонежских погостах к середине-концу XVII века «вынуждена была... отдавать свои голоса за кандидатов, угодных богатым крестьянам», так как правительство «предписывало выбирать на должности старост, целовальников и сборщиков “прожиточных” людей» [Мюллер, 1947, с. 110—111; КАР]. По мнению исследовательницы, эта практика утвердилась к концу XVII века и была проявлением постепенной бюрократизации мирского самоуправления [Мюллер, 1947, с. 110].

Одним из первых А. И. Копанев выявил состав участников 12 мирских сходов, состоявшихся в 1570—1590-х гг. в Куростровской волости Двинского уезда. Исследователь установил, что на сходах «из года в год, из десятилетия в десятилетие» присутствовали не все волощане, а лишь пятая или шестая их часть — главным образом, представители семей богатых крестьян [Копанев, 1978, с. 221].

Поставив задачей выявить роль общинного самоуправления в Карелии в XVII в., А. Ю. Жуков ограничился констатацией утвердившегося в историографии положения о том, что к середине XVII века «выборные должности самоуправления доставались в основном “людям добрым” — представителям зажиточной верхушки общинников», в том числе «собственникам торговых лавок и амбаров, или совладельцам богатых промысловых угодий» [Жуков, 2003, с. 53—54].

В то же время, по мнению А. Ю. Жукова, в первые десятилетия XVII века выборы должностных лиц носили достаточно демократический характер. Ссылаясь на сведения «выборных и излюбленных списков», автор отметил, что приказчики Оштинского стана, ставшего в начале столетия центром управления

Заонежскими погостами, строго следили за участием в выборах всех крестьян, независимо от их достатка, а также за соблюдением принципа ежегодной сменяемости избираемых лиц и их хорошей репутацией [Жуков, 2013, с. 353].

Обращаясь к проблеме организации «земского мира» на Русском Севере в конце XVI — начале XVIII в., Е. Н. Швейковская тщательно изучила процедуру выбора должностных лиц. Опираясь на «челобитные крестьян, адресованные уездным воеводам и в Устюжскую четверть, церковно-монастырским властям, судебные дела», исследовательница изучила формуляр «выборной» грамоты и пришла к выводу, что в севернорусской деревне во второй половине XVII века представители одних и тех же наиболее зажиточных семей из числа крестьян и посадских людей «десятилетьями замещали разные мирские должности» [Швейковская, 2008, с. 255—256; Швейковская, 2012, с. 258].

Исследовательница привела два примера из истории сел архиепископской домово́й вотчины в Вологодском уезде, свидетельствующие о том, что в 1680-х гг. в старосты избирались последовательно родные братья (с. Никольское), а целовальниками денежных сборов были дед и отец челобитчика, которого крестьяне несмотря на малолетство прочили на эту же должность (с. Раменье) [Швейковская, 2012, с. 258—259].

Развитие подобной практики Е. Н. Швейковская оценивает позитивно. По ее мнению, сосредоточение «мирской власти в определенных семьях», хотя и «не исключало... злоупотреблений», в целом способствовало складыванию «группы людей..., которые как бы специализировались на мирском управлении», требовавшем «определенных навыков и опыта в ведении дел, умения общаться с администрацией» [Швейковская, 2012, с. 258].

Поставив задачей выяснить «характер крестьянского представительства на мирских сходах» и критерии, «которыми общинники руководствовались при избрании исполнительного аппарата мирского управления», Н. В. Соколова ведет кропотливую работу по комплектованию просопографической базы данных со сведениями обо всех крестьянах, которые принимали участие в мирском управлении в монастырских вотчинах Центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII вв. [Соколова, 2005, с. 22].

Путем сопоставительного анализа 40 мирских приговоров за 1721—1723 гг. вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря, подворной росписи мужского населения той же вотчины за 1724 год, крестьянских челобитных, мирских приговоров отдельных деревень, сказок крестьян исследовательница собрала детальную информацию о материальном благосостоянии, статусе внутри двора, возрасте 699 крестьян — как участвовавших в сходах, так и избранных на мирские должности [Соколова, 2005, с. 18—19].

Анализ массива данных позволил Н. В. Соколовой установить, что на сходах не было какой-либо системы представительства и в течение трех лет (1721—1723 гг.) в них приняли участие жители около 90 % дворов. Как подчеркнула исследовательница, от каждого дворохозяйства на сходе присутство-

вал всего один человек — будь то сам дворовладелец, его родственник или человек, не состоявший с ним в родстве, но числившийся в его дворе [Соколова, 2005, с. 19]. Автор приходит к убеждению, что «неформальных органов мирской власти — так называемых “советов стариков”» не существовало, а всеотчинный мирской сход был демократичным органом [Соколова, 2005, с. 20].

Детально изучив сведения о 48 крестьянах, занимавших выборные должности в 1715—1724 гг., Н. В. Соколова отметила, что они являлись людьми «старшего и среднего поколения», которые не принимали активного участия в сходах; при этом большинство (86 %) имели по два-три работника [Соколова, 2005, с. 21—23].

Сопоставительный анализ крестьянских именных и переписных книг, а также выборных грамот позволил В. Е. Борисову оценить уровень материального благосостояния и состав семей земских старост в Подгорной (1642—1674 гг.) и Ирбитской слободах (1642—1699 гг.). Согласно выявленным им данным в старосты избирались крестьяне из зажиточных многолюдных семей. Основываясь на сведениях о 27 старостах Ирбитской слободы, автор заключает, что со второй половины 1680-х гг. здесь стала развиваться практика избрания представителей одной семьи в течение нескольких лет [Борисов, 2010].

Таким образом, в настоящее время исследователи, привлекая разнообразные материалы по центральному и северо-западному регионам, ставят перед собой комплекс задач, связанных с выяснением статуса мирских должностных лиц в общине, в том числе в сопоставлении с критериями, которые предъявлялись к кандидатам на ту или иную должность согласно формулярам «выборных» грамот. Это означает, что вопрос о составе лиц, которые участвовали в сходах и занимали выборные должности, рассматривается исследователями как один из ключевых для осмысления на новом уровне природы мирского самоуправления в раннее новое время.

Обращая внимание на уровень материального благосостояния, возраст, положение внутри двора участников мирских сходов, историки, тем не менее, ограничиваются изучением родственных связей, объединявших их, только на уровне отдельного двора. В то же время реконструкция уз родства выборных должностных лиц в более широкой перспективе, с нашей точки зрения, позволит составить целостное представление о группе лиц, стоявших во главе общины — поземельной и приходской. Решение этой задачи, безусловно, требует комплектования просопографической базы данных, которая обеспечила бы возможность сбора и последующего анализа сведений обо всех лицах, которые упоминаются в доступных источниках на тех или иных мирских должностях.

Изучение профессиональных традиций в семьях клириков и причетников в Заонежских погостах во второй половине XVI — начале XVIII вв. позволило уже не раз убедиться в том, что их сыновья и братья довольно часто являлись земскими старостами, волостными посыльщиками, земскими дьячками, денежными счетчиками, главами таможен и кабацких дворов. В документах

практически всегда присутствуют указания на то, что эти люди были родственниками священнослужителей (сын Попов) или имели какие-либо прозвища. Наличие подобной информации облегчает выявление сведений о представителях этих семей. Думается, реконструкция традиций наследования и смены профессий в семьях клириков и священников может стать основой для начального этапа исследования состава «волостного нобилитета» Заонежских погостов во второй половине XVII века.

В статье реконструируются родственные связи, объединявшие клириков и выборных мирских лиц в 1650-х — начале 1680-х гг. в трех Заонежских погостах: Никольском Оштинском и Никольском Шуйском (северо-западное и южное Прионежье), а также Ильинском Олонецком (Приладожье) [Чернякова и др., 2010, с. 36, 38—39].

2. Источники

В основу работы положены сведения актов приказного делопроизводства из фонда 98 «Олонецкая воеводская изба» научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, датированных второй половиной XVII века. В челобитных, в том числе о выборе земских старост, наказных памятях, отписках, допросных сказках содержится информация об избранных на церковные и земские должности людях — уровне их материального благосостояния, сроках исполнения полномочий, их родственниках, взаимоотношениях с общинниками.

Сопоставление сведений актов приказного делопроизводства, переписных книг Заонежских погостов 1646 года (И. П. Писемский), 1678 года (И. А. Аничков) и 1707 года (А. В. Апрельев, М. Л. Мордвинов) позволило соотнести имена и отчества земских старост, дьячков и священников и реконструировать состав их семей не только по прямым, но и по боковым линиям родства.

3. Семья Невежиных в Оштинском погосте

В конце 1660-х — 1670-х гг. в Никольском Оштинском погосте деятельное участие в решении «мирских» и приходских дел принимали сыновья крестьянина Микиты Иванова по прозвищу Невежа Беляев [Суслова, 2014, с. 56]. Прозвище, зафиксированное писцом Иваном Писемским в 1646 году, указывает на то, что Микита Иванов, вероятно, был человеком необразованным, однако это не помешало его детям добиться значимого в погосте статуса [Кюршунова, 2010, с. 366].

Так, его сын Ивашка Никитин, как следует из отписки, поданной 16 марта 1668 г., исполнял по велению олонецкого воеводы Василия Чоглокова должность пристава. Вместе с «товарищем» Шалимом Моисеевым ему было поручено взыскать с бывших старост Верховской трети Оштинского погоста кабальный долг в пользу Дмитрия Андреева Поздякова, старосты Залесской трети того же погоста 1664/65 г. [Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 5, д. 178, л. 1; к. 6, д. 54, л. 1]. Спустя семь лет — 30 мая 1675 года — житель Верхневод-

лицкой волости Павел Семенов упомянул Ивашку Никитина первым в списке «волостных людей» — помощников земского старосты Сенки Юрьева [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 7, д. 23, л. 1]. Вскоре Ивашка Никитин был переведен на посад в Олонец, но продолжал исполнять ответственные поручения. В мае 1681 года по наказной памяти воеводы Ивана Лукина он отправился в родной погост вместе с «волостным человеком» Фомой Томиловым для розыска жителя Торозерской волости Ивана Софонтиева [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 10, к. 319, л. 5]. У нас нет сведений о том, знал ли Ивашка Никитин грамоту. Отметим только, что в декабре 1667 года «отбойную» запись об отказе должников выплачивать деньги по двум кабалам Дмитрию Поздыкову составил не он, но один из свидетелей — земский дьячок Лучка Иванов Маврачев [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 6, д. 54, л. 2].

Брат Ивана Никитина — Афанасий Никитин — дважды избирался в старосты: в сентябре 1675 и сентябре 1677 гг. [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 9, д. 1, л. 4]. При этом осенью 1677 года жители погоста (65 человек) во главе с Филкой Ксенифонтовым указывали в челобитной, поданной воеводе Якову Стрешневу, что Афанасий Никитин «человек <...> добр, душою прям и в <...> государевой казны и в мирских расходах ему <...> верить можно, и налог и обид нам <...> от него никаких не было» [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 9, д. 1, л. 4]. Двум другим кандидатам — Сенке Юрьеву и Аввакуму Тихонову — крестьяне в доверии отказали. Они заявили, что те уже «старостили», в том числе Семен Юрьев — в течение пяти лет, однако не выплатили деньги «в <...> государеву казну сполна» и не предоставили отчета в «расходных деньгах» [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 9, д. 1, л. 2–3].

Добросовестная служба Афанасия Никитина не была забыта общиной. Спустя три года — в сентябре 1680 года — крестьяне выбрали в старосты одного из его сыновей — Никона Афанасьева [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 10, д. 81, л. 1]. Как удалось установить, вместе с Никоном Афанасьевым «старостил» его троюродный брат Левка Дмитриев — сын Дмитрия Никитина [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 10, д. 244, л. 1]. За три года до занятия ответственной должности — в 1678 году — Левка Дмитриев служил церковным дьячком Оштинского погоста и, следовательно, умел читать и писать [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 1137(2), л. 51 об.]. Эти навыки он приобрел от отца — Дмитрия Никитина Невежина, который в конце 1650-х — начале 1660-х гг. не раз избирался земским и церковным дьячком, а в 1670-е гг. стал священником Оштинского погоста [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 1137(2), л. 50 об.; Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 3, д. 76, л. 118; д. 82, л. 90]. Вместе с ним в причте состоял его родной брат — дьякон Федор Никитин [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 7, д. 101, л. 1].

Родные братья Левки Дмитриева пошли по стопам отца. В частности, Яков Дмитриев занял место священника в причте погостской церкви Богоявления Господня в конце 1670-х — начале 1700-х гг. [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 1137, ч. 2, л. 50 об.; д. 8578, л. 253]. Именно он осенью 1677 года удостоверял че-

лобитную об избрании в старосты своего дяди — Афанасия Никитина [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 9, д. 1, л. 1 об.].

Брат Левки и Якова — Семен Дмитриев — упоминается в источниках пономарем и церковным старостой. Хотя он и не знал грамоты, при нем всегда был в помощниках церковный дьячок, должность которого занимали его братья и племянники [Суслова, 2014, с. 54—56].

Невежины добились статуса в погосте не только умением читать и составлять разнообразную документацию. Отдельные факты из их жизни свидетельствуют о том, что они были зажиточными людьми. Так, например, Ивашка Микитин предоставлял в долг общине деньги и хлеб, а его брат Афанасий Микитин нашел нужную сумму, чтобы нанять на службу в пашенные солдаты вместо себя жителя Мегорского погоста [Суслова, 2014, с. 57].

4. Семья священника Гаврилы Григорьева в Сямозерской волости Олонецкого погоста

В одной из самых крупных волостей Олонецкого погоста — Сямозерской — в 1670-х — начале 1680-х гг. ключевые должности занимали сыновья священника Гаврилы Григорьева. Так, в 1675/76 г. старостами были Микитка и Афонка, а в 1679/80 г. — Микитка и Ганка Поповы. Братья, не успевая собрать к положенному сроку деньги, дважды внесли в казну собственные средства, затем взыскивая их с крестьян (Ганка Попов — 26 рублей, Офонка Попов — 45 рублей) [Суслова, 2013а, с. 11].

Приведенные сведения указывают на то, что семья отличалась уровнем достатка. Не только сыновья, но и сам священник в середине 1660-х гг. выступил кредитором общины, передав ей «по кабалам и записям» для уплаты податей 35 рублей и 30 коробей ржи в сямозерскую меру (114,66 кг) [Суслова, 2013а, с. 4].

Занимая должность старосты, сыновья священника внимательно следили за расходованием мирских денег, собиравшихся на различные нужды общины. В частности, семья более чем настороженно отнеслась к тому, что волостной посыльщик Ефрем Исаков, отправленный старостой Никитой Гавриловым Поповым и крестьянами в 1675/76 г. в Москву для подачи челобитной об «отъездах стрелчества», стал просить по возвращении оплаты взятых им кабальных займов. Со слов самого Ефрема Исакова, подавшего в сентябре 1680 года челобитную олонецкому воеводе Якову Стрешневу, дело дошло до того, что в том же 1675/76 г. брат старосты Гаврила с отцом Гаврилой Григорьевым его избили [Суслова, 2013а, с. 10].

5. Семьи клириков и причетников Шуйского погоста: роль в волостном управлении

В Шуйском погосте, расположенном к северу от Олонецкого, выборные должности в приходе и в волостном управлении довольно часто занимали в 1650—1670-е гг. представители нескольких семей клириков и причетников.

Родоначальником одной из семей был житель Шуйского погоста — Иван Афанасьев сын Пономарев. Исполняя в конце 1630-х гг. вместе с сыновьями Павлом и Гришкой ямскую повинность и не получая «подмоги» от крестьян, он занял деньги у Козьмы Калинина Ростовца, отца откупщика Кузарандского кабака Ивана Козьмина, и у солдата того же погоста Калины Насонова [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 1, д. 24, л. 1; д. 115, л. 1; д. 122, л. 1]. Общая сумма долга составила около 114 рублей, однако она была погашена. В начале 1650-х гг. Гришка Пономарев вернул кредиторам 13 рублей, еще 6 рублей староста Иван Семенов «доправил» на Иване Пономареве, конфисковав у него «за деньги коня да корову» [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 1, д. 24, л. 1]. Остальные деньги отец и братья возвращали равными долями в течение пяти лет (этой рассрочки они добились в связи с тем, что их двор, находившийся на погосте близ церкви, сгорел в конце 1640-х гг. при пожаре) [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 1, д. 67п, л. 34; д. 127, л. 1].

Один из сыновей Ивана Афанасьева — Лука Иванов Пономарев — в 1648/49 г. по повелению «волостных людей Мунозерского конца с четырех вытей да Шуйского конца з двух вытей» отправился в Олонец, где нанял плотников «ко городовому делу <...> шесть человек» на деньги, которые «займовал в кабалы» [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 1, д. 35о, л. 21]. Эту сумму крестьяне к положенному сроку не вернули и в апреле 1650 года судейка Шуйского погоста Давыд Власьев получил от олонецкого воеводы Василия Чоглокова распоряжение взыскать долг с самого Луки Пономарева, как и прочие «по мирским розводом деньги» [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 1, д. 67к, л. 25].

Уверенно полагаем, что в 1648/49 г. Лука Пономарев был не просто волостным посыльщиком, но занимал должность земского старосты погоста. Об этом позволяет судить челобитная жителей того же Мунозерского конца, поданная олонецким воеводам Василию Чоглокову и Степану Елагину в октябре 1650 года. Челобитчики указывали, что староста «прошлых годов» Лучка Пономарев «стал <...> не по силы <...> розводить» на них деньги, поэтому они от «от того <...> старошенья отошли прочь». Однако сам староста отказался признать это решение и потребовал взноса суммы, которую уже успел собрать вновь избранный крестьянами в старосты Елеска Ларивонов [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 1, д. 166, л. 1].

Во второй раз Лучка Пономарев упоминается на должности старосты в 1657/58 г. Денежным сборщиком при нем состоял вдовый священник Виданской выставки Шуйского погоста Тихон Минин [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 2, д. 86, л. 1; к. 3, д. 73, л. 1].

Несмотря на возникавшие с общинниками конфликты, связанные со сбором податей и денег на мирские нужды, доверие крестьян к семье Лучки Пономарева не было утрачено. Так, его сын Остафий Лукин стал в 1656/57 г. денежным сборщиком при старосте Калине Насонове [Арх. СПБИИРАН, ф. 98, к. 2, д. 78, л. 1]. Другого сына — Кирилку Лукина — крестьяне выбрали в ста-

росты на 1676/77 г. [Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 8, д. 23, л. 1]. Вместе с ним «старостил» Ивашка Иванов Попов — внук священника Дорофея Савельева, состоявшего в причте церковей Шуйского погоста в середине 1640-х — начале 1660-х гг. [Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 4, д. 72, л. 70 об.; РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 980, л. 95 об.].

Семья священника Дорофея Савельева играла не менее значимую роль в решении мирских дел Шуйского погоста. Сын прежнего священника Петрушка Микифоров Попов указывал в июне 1664 года, что священник и его родня приобрели авторитет среди волостных людей потому, что иерей являлся их духовным отцом, а сами они были «люди богатые и семьянистые» [Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 5, д. 153, л. 1].

Как удалось установить, один из братьев священника — Сидорка Дорофеев Попов — служил в 1672 году земским старостой Шуйского погоста. Вместе со старостой 1671 года Зиновкой Александровым он привез в Олонец и сдал «в государевы житницы <...> хлебных запасов» по 40 четвертей ржи и овса «в приемочную меру под гребло» [Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 6, д. 95, л. 15, 37]. Позднее Сидорка Попов исполнял функции пристава, по поручению воевод взыскивая долги с жителей погоста — в марте 1677 года и в январе 1681 года [Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 8, д. 73н, л. 1; к. 10, д. 134, л. 1].

В конце 1650-х гг. не без содействия священника в причт был введен его сын Иван Дорофеев Попов, который сменил состарившегося отца [Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 5, д. 116, л. 2]. В свою очередь, Иван Дорофеев подготовил на священническое место одного из своих сыновей — Гаврилу Иванова. Другой его сын — Ивашка Иванов Попов — дважды — в 1676/77 и в 1678/79 гг. — избирался в земские старосты [РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 1137, ч. 2, л. 396 об.; Арх. СПбИИРАН, ф. 98, к. 9, д. 79, л. 2].

Семья священника Ивана Дорофеева состояла в дальнем родстве с клириками и причетниками, проживавшими в соседнем выставочном приходе. В частности, дед Ивана Дорофеева — Савка Игнатъев — приходился сыном священнику Игнатию Федорову, служившему в церкви Успения Богородицы в Кондопоге [Суслова, 2013б, с. 29–30]. На основе сопоставительного анализа актов приказного делопроизводства, писцовых и переписных книг И. А. Чернякова реконструировала родословную Игнатия Федорова. Исследовательница установила, что его внуки — Ивашка и Прохор Аггеевы в конце 1670 — 1700-х гг. состояли в церковном причте [Чернякова и др., 1999, с. 44]. Обращение к документам фонда «Олонецкой воеводской избы» позволило установить также, что их отец, приходившийся двоюродным дедом Ивану Дорофееву, Аггей Игнатъев в 1660—1670-е гг. принимал активное участие в решении разнообразных дел Кондопожской волости, в том числе исполнял обязанности волостного посыльщика, привлекался олонецким воеводой к размежеванию земельных участков и для взыскания долгов с крестьян [Суслова, 2013б, с. 33].

6. Выводы

Уже на данном этапе исследования реконструкция родственных связей клириков и причетников в отдельных сельских приходах Заонежских погостов позволяет утверждать, что во второй половине XVII века здесь складывались династии, представители которых на протяжении нескольких десятилетий стояли не только во главе церковного прихода, но также занимали ключевые должности в волостном управлении и привлекались воеводой к исполнению тех или иных ответственных поручений. Бытование подобной практики указывает на то, что в крае во второй половине XVII века между приходом и помещельной общиной сохранились тесные связи.

Для сравнения отметим, что в центральном регионе Российского государства в XVII — первой четверти XVIII вв. эти связи не были разрушены только в том случае, если земля принадлежала одному и тому же собственнику, будь то монастырь или помещик [Соколова, 2003, с. 129]. Однако и здесь, как отмечает Н. В. Соколова, обращаясь к документам монастырских вотчин Нижегородского уезда, датируемых первой четвертью XVIII века, клирики и причетники, происходившие из монастырских крестьян и родственников церковного причта, вовлекались в земские дела. Автор подчеркивает, что они не только сами удостоверяли документы, выступали «послухами» при заключении разных актов, но и выполняли обязанности земского дьячка, а некоторые в недалеком прошлом занимали должность мирского старосты [Соколова, 2003, с. 134–135].

В Заонежских погостах — так же, как и в Поморье — складывалась «тонкая прослойка людей», которые специализировались на мирском управлении [Швейковская, 2012, с. 258]. Этим людей связывали тесные родственные связи. Ключевые должности в приходе и в волостном управлении нередко занимали из года в год представители семей священно- и церковнослужителей. Сыновья, братья, племянники и дяди священников и дьячков избирались крестьянами в старосты, дьячки, волостные посыльщики отнюдь не с помощью подкупа.

Многие из них были грамотными людьми, привлекались к составлению разнообразных мирских бумаг, проверке финансовой отчетности. Более того, они отличались уровнем благосостояния — участвовали в торговых операциях на уровне отдельной волости или погоста, нередко выступали кредиторами общины, в том числе могли внести в срок из собственного кошелька в казну недостающую сумму. Опираясь на родство, они выручали и поддерживали друг друга и, в конечном счете, стояли во главе общины, успешно справляясь с вызовами времени.

Источники и принятые сокращения

1. Арх. СПбИИРАН — *Архив* Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук, Санкт-Петербург.
2. КАР — *Карелия в XVII в.*: сб. документов / сост. Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1948. — 442 с.
3. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов, Москва.

Литература

1. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2 : Деятельность земского мира. Земство и государство / М. М. Богословский. — Москва : Изд-во Имп. О-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. — 394 с.
2. *Борисов В. Е.* Общинное самоуправление в Зауралье в XVII в. : принципы замещения выборных должностей [Электронный ресурс] / В. Е. Борисов // Новый исторический вестник. — 2010. — № 26 (4). — Режим доступа : http://www.nivestnik.ru/2010_4/07_borisov_4.shtml.
3. *Жуков А. Ю.* Самоуправление в политике России : Карелия в XII—XVII вв. / А. Ю. Жуков. — Петрозаводск : КНЦ РАН, 2013. — 492 с.
4. *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород : НовГУ им. Я. Мудрого, 2003. — 248 с.
5. *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. / А. И. Копанев. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1978. — 244 с.
6. *Кюршунова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV—XVII вв. / И. А. Кюршунова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с.
7. *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. / Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1947. — 176 с.
8. *Соколова Н. В.* Сельская община и церковный приход в Нижегородской монастырской вотчине XVII — первой половины XVIII вв. / Н. В. Соколова // Мининские чтения : материалы научной конференции. — Нижний Новгород : Нижегородский гос. ун-т, 2003. — С. 126—138.
9. *Соколова Н. В.* Социальные микроструктуры монастырской деревни в Центральной России конца XVII — первой четверти XVIII вв. (некоторые источники и методы исследования) / Н. В. Соколова // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузовский тематический сборник научных трудов. — Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — С. 12—26.
10. *Сулова Е. Д.* Приходской священник — пастырь? землепашец? кредитор? / Е. Д. Сулова // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «История». — 2013а. — № 16. — Вып. 1. — С. 3—14.
11. *Сулова Е. Д.* Служители церкви в Карелии раннего нового времени : складывание династий [Электронный ресурс] / Е. Д. Сулова ; науч. ред. И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013б. — 162 с. — Режим доступа : http://carelica.petrtsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html.
12. *Сулова Е. Д.* Церковный староста в повседневной жизни карельского прихода в конце XVII — начале XVIII вв. [Электронный ресурс] / Е. Д. Сулова // Научный электронный журнал CARELiCA. — 2014. — № 1 (11). — С. 51—67. — Режим доступа : [http://carelica.petrtsu.ru/CARELiCA/_/1_2014_\(11\)/Articles/Entries/2014/6/20_CERKOVNYJ_STAROSTA_VPOVSEDNEVNOJ_ZIZNI.html](http://carelica.petrtsu.ru/CARELiCA/_/1_2014_(11)/Articles/Entries/2014/6/20_CERKOVNYJ_STAROSTA_VPOVSEDNEVNOJ_ZIZNI.html).
13. *Чернякова И. А.* Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи / И. А. Чернякова, О. В. Черняков // Православие в судьбе Урала и России : история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : ИИА УрО РАН ; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. — С. 34—46.

14. Чернякова И. Успенская церковь в Кондопоге : день нынешний и век минувший (к истории церковного прихода) / И. Чернякова, В. Шевцов, Г. Пудышев // Краевед : 10 лет : сборник статей. — Петрозаводск : Петрозаводский городской клуб «Краевед», 1999. — С. 36—50.

15. Швейковская Е. Н. Выборы и «выбор» в северорусском мире XVII в. / Е. Н. Швейковская // Право в средневековом мире : сборник статей. — Москва : ИВИ РАН, 2008. — С. 249—274.

16. Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире : северная деревня конца XVI — начала XVIII веков / Е. Н. Швейковская. — Москва : Индрик, 2012. — 368 с.

“Volost Nobilis” of Zaonezhye Pogosts in the Second Half of XVII Century: on Kinship and Social Background*

© Suslova Yevgeniya Dmitriyevna (2015), PhD in History, specialist of Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia, senior research scientist, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), evgenia.suslova@mail.ru.

The article is devoted to the study of kinship and social background of persons who held key positions in church parishes and volost management in Zaonezhye pogosts in the second half of the XVII century. The focus is on the families of priests and clergymen, whose relatives — in view of the continuing close relationships between the land and the parish community — took an active part in secular activities. On the basis of the comparative analysis of data from census books and acts of writ proceedings the ties of kinship (collateral and direct relationships) are reconstructed between the clergy, local elders, assistant chiefs, sextons and couriers on the example of three Zaonezhye pogosts. It is found that those who came from families of local priests and clergymen in 1650—1680s not only continued the business but took elective Zemstvo posts. This is largely due to their knowledge of letters, ability to pay the taxes for the peasants in the sovereign's treasury on time, attention to the interests of the community and a responsible approach to spending community's money. Mutual support and mutual aid allowed the relatives — even in the case of election on a particular position the representatives of other families — to keep control over the community.

Key words: social history; genealogy; secular elective offices; community self-government; church parish; Zaonezhye pogosts; Karelia; the second half of XVII century.

References

- Bogoslovskiy, M. M. 1912. *Zemskoye samoupravleniye na Russkom Severe v XVII v. 2: Deyatel'nost' zemskogo mira. Zemstvo i gosudarstvo*. Moskva: Izd-vo Imp. O-va istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom un-te. 394. (In Russ.).
- Borisov, V. E. 2010. Obshchinnoye samoupravleniye v Zauralye v XVII v.: printsiyы zameshcheniya vybornykh dolzhnostey. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 26 (4). Available at: http://www.nivestnik.ru/2010_4/07_borisov_4.shtml. (In Russ.).
- Chernyakova, I. A., Chernyakov, O. V. 2010. Altarnyye posvyashcheniya prikhodskikh tserkvey kak otrazheniye pravoslavnogo mentaliteta krest'yantina-karela donikonovskoy epokhi. In: *Pravoslaviye v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost'*. Yekaterinburg: IIA UrO RAN; Izd-vo Ekaterinburgskoy eparkhii. 34—46. (In Russ.).

---

* This work is supported by The Ministry of Education and Science of Russia as part of the project of the state task in the field of scientific activity, № 33.1162.2014/K.

- Chernyakova, I., Shevtsov, V., Pudyshev, G. 1999. Uspenskaya tserkov' v Kondopoge: den' nyneshniy i vek minuvshiy (k istorii tserkovnogo prikhoda). In: *Kraeved: 10 let. Petrozavodsk: Petrozavodskiy gorodskoy klub «Kraeved»*. 36—50. (In Russ.).
- Kopanev, A. I. 1978. *Krest'yanstvo Russkogo Severa v XVI v.* Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye. 244. (In Russ.).
- Kyurshunova, I. A. 2010. *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i familnykh prozvaniy Severo-Zapadnoy Rusi XV—XVII vv.* Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 667. (In Russ.).
- Myuller, R. B. 1947. *Ocherki po istorii Karelii XVI—XVII vv.* Petrozavodsk: Gos. izd-vo KFSSR. 176. (In Russ.).
- Shveykovskaya, E. N. 2008. Vybory i «vybor» v severorusском mire XVII v. In: *Pravo v srednevekovom mire: sbornik statey.* Moskva: IVI RAN. 249—274. (In Russ.).
- Shveykovskaya, E. N. 2012. *Russkiy krest'yanin v dome i mire: severnaya derevnyaya kontsa XVI — nachala XVIII vekov.* Moskva: Indrik. 368. (In Russ.).
- Sokolova, N. V. 2003. Selskaya obshchina i tserkovnyy prikhod v Nizhegorodskoy monastyrskoy votchine XVII — pervoy poloviny XVIII vv. In: *Mininskie chteniya. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gos. un-t.* 126—138. (In Russ.).
- Sokolova, N. V. 2005. Sotsial'nyye mikrostruktury monastyrskoy derevni v Tsentralnoy Rossii kontsa XVII — pervoy chetverti XVIII vv. (nekotoryye istochniki i metody issledovaniya). In: *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii.* Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta. 12—26. (In Russ.).
- Suslova, E. D. 2013a. Prikhodskoy svyashchennik — pastyr'?: zemlepashets? kreditor? *Vestnik Tverskogo gos. un-ta. Seriya «Istoriya», 16(1):* 3—14. (In Russ.).
- Suslova, E. D. 2013b. *Sluzhiteli tserkvi v Karelii rannego novogo vremeni: skladyvaniye dinastiy.* Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU. 162. Available at: http://carelica.petrtsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html. (In Russ.).
- Suslova, E. D. 2014. Tserkovnyy starosta v povsednevnoy zhizni karel'skogo prikhoda v kontse XVII — nachale XVIII vv. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal CARELiCA, 1(11):* 51—67. Available at: [http://carelica.petrtsu.ru/CARELiCA/_1_2014_\(11\)/Articles/Entries/2014/6/20_CERKOVNYJ_STAROSTA_VPOVSEDNEVNOJ_ZIZNI.html](http://carelica.petrtsu.ru/CARELiCA/_1_2014_(11)/Articles/Entries/2014/6/20_CERKOVNYJ_STAROSTA_VPOVSEDNEVNOJ_ZIZNI.html). (In Russ.).
- Zhukov, A. Yu. 2013. *Samoupravleniye v politike Rossii: Kareliya v XII—XVII vv.* Petrozavodsk: KNTs RAN. 492. (In Russ.).
- Zhukov, A. Yu. 2003. *Upravleniye i samoupravleniye v Karelii v XVII v.* Velikiy Novgorod: NovGU im. Ya. Mudrogo. 248. (In Russ.).